

АЙЛИН ГРИН

В ПЛОТОНЕ
ЗА ЗВЕЗДОЙ

ИНОГДА САМЫЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК
ЛЮБИТ ТЕБЯ ТИШЕ ВСЕХ

Айлин Грин

В погоне за звездой

<https://litres.ru/74408328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Даши Ветровой Артём Громов - не просто кумир миллионов. Однажды его голос вытащил её из бездны отчаяния. Ей кажется, что она знает о нём всё - но разве может пересечься жизнь обычной девушки и известного музыканта?

Пока она мечтает о встрече с кумиром и пытается найти деньги на его прощальный концерт, её лучший друг Саша совершает безумный поступок, чтобы увидеть её улыбку. Саша годами прятал свои чувства, оставаясь удобным другом.

Но как долго он сможет играть эту роль, глядя, как она тянется к другому? И что если этот другой отвечает взаимностью?

Содержание

Глава 1. Даша Ветрова	4
Глава 2. Саша Штормов	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Айлин Грин

В погоне за звездой

Глава 1. Даша Ветрова

Смотрю на себя в зеркало и не понимаю – нравлюсь я себе сегодня или нет. Рыжие кудрявые волосы, как обычно, находятся в полном беспорядке, постоянно падая на глаза, которые я пытаюсь накрасить уже больше десяти минут. Но стрелки получаются неровными, а тушь постоянно норовит испачкать всё вокруг, кроме ресниц.

– Чёрт! – ругаюсь, в очередной раз стирая макияж с правого глаза.

– Опять недовольна своими волосами? – в комнату заглядывает Лёшка – мой младший брат.

– Сколько раз говорить, чтобы ты стучался? – бросаю в него игрушкой со стола, но промахиваюсь и задеваю стакан с соком, стоящий на столике возле двери. Стакан с грохотом падает, и на ковре растекается оранжевое пятно.

Быстро кладу тушь для ресниц в косметичку и хватаю тряпку, надеясь успеть вытереть липкую лужу, пока она не въелась в ворс ковра.

– Сто раз говорил тебе, чтобы ты не оставляла посуду в комнату.

– Говоришь, как мама, – бурчу на брата, хотя понимаю – он не виноват в том, что тушь для ресниц сегодня устроила бунт. Пятно всё же удаётся отмыть, и я снова возвращаюсь к зеркалу. Бросаю на себя очередной взгляд, быстро дорисовываю стрелки и, наконец, остаюсь довольна.

– Ты уже слышала новости? – брат бесцеремонно плюхается на мою кровать.

– О том, что мама обещала лишить тебя карманных денег, если ты не перестанешь страдать ерундой и не возьмёшься за ум?

– Ты скучная, – говорит он, украдкой поглядывая на меня.

– Что за новости? – игнорирую его выпад в мою сторону.

– Значит, нет, – брат продолжает дразнить меня. – Ты в университет?

– А куда же? – пожимаю плечами и спохватываюсь. – Что там с новостями?

– Скоро узнаешь, – таинственно произносит Лёха. – Удивлён, что ты до сих пор в неведении.

– Либо говори, в чём дело, либо займи свой рот чем-то другим вместо болтовни, – шиплю на него. Терпеть не могу эту манеру не договаривать!

– Кстати, о болтовне. Ты опаздываешь на пары.

– А ты ещё не закончил школу. Или у тебя уроки по желанию, а не по расписанию?

– Мне ко второму, – он машет рукой и окидывает взглядом комнату. – Как ты вообще живёшь в этом ужасе?

Ужасе? Смотрю на стены, с которых приветливо улыбается Артём Громов – певец, музыкант... Тот, кто одним голосом сумел украсть моё сердце.

Пожимаю плечами – да, плакатов многовато, но кто виноват в том, что этот музыкант такой красавчик? А голос... Его песни можно слушать на повторе целыми днями. Что я, собственно, и делаю, засунув наушники и махнув брату.

На кухне витает аромат фруктового чая, а мама стоит у плиты, что-то интенсивно помешивая в сковородке. Кажется, это блины. Папа всегда ел на завтрак блины. Когда был жив...

– Доброе утро, дорогая, – мама машет мне лопаткой, не оборачиваясь. – Завтракать будешь?

– Убегаю на пары, – бросаю я, хватая яблоко со стола. – Позавтракаю с девчонками. Мам, сегодня буду поздно. Встречаюсь с Сашей.

– С Сашей? Штормовым? Он вернулся?

Улыбаюсь и киваю, хотя мама этого не видит. Саша Штормов или просто Шторм – мой лучший друг. Мы познакомились с ним, когда нам было по пять лет. Питер, холодный ноябрьский дождь и скучнейшее открытие первой кофейни его отца, куда мы по случайности попали с родителями. Взрослые в дорогих костюмах чинно пили что-то из своих бокалов, шептались о перспективах бизнеса, а мы с Сашкой в это время строили крепость из одноразовых стаканчиков, которые он где-то умудрился достать. Для меня он был всего

лишь мальчишкой – со смешной чёлкой и искренней улыбкой. А потом он протянул мне салфетку, потому что я испачкала губы шоколадным мороженым, и в пять лет это сделало нас друзьями. Мне было абсолютно наплевать на то, сколько денег у его отца и кто он такой. Зато было не плевать на то, как смешно Сашка прятал меня под столом, когда кто-то заметил, что у него с тарелки пропал десерт.

Мы росли с ним бок о бок до пятнадцати лет, пока однажды моей маме не предложили работу в Москве. Моя семья переехала, а через год переехали и Штурмовы. И тоже в Москву. Ежедневные встречи, звонки, первые влюблённости – мы на самом деле были друзьями. Теми, кто клянётся друг другу в вечности, ничего не требуя взамен. Но на моё семнадцатилетие Сашка приехал с букетом роз, огромной коробкой со сладостями и новостью – они возвращаются в Питер.

Наша дружба не закончилась, а лишь окрепла, несмотря на расстояние: мы выросли, переписывались, приезжали друг к другу в гости. И вот, наконец, он снова вернулся в Москву. И нам точно есть, о чём поговорить.

– Вернулся, – подтверждаю я. – Я потом всё расскажу. Убежала, мам, – кричу уже из прихожей, натягивая кроссовки.

Спешно закрываю дверь и выхожу на улицу. Сентябрь выдался на удивление тёплым, поэтому куртка остаётся дома, а солнечные очки оказываются весьма кстати. Ветер – пока ещё тёплый – играет с моими волосами, запутывая их силь-

нее, а под ногами уже шуршат первые жёлтые листья.

Спускаюсь в метро и занимаю место возле двери, откидываясь на спинку и закрывая глаза. В ушах голос Грома, и у меня есть целых сорок минут, чтобы насладиться его незримым присутствием в моей жизни.

** ** *

– Дашка! – кричит и машет руками бегущая мне навстречу Алина. Как она бежит на таких высоких каблуках – ума не приложу, но обнимаю её сразу же, как только мы оказываемся рядом. Чёрт, летние каникулы были слишком долгими!

– Ты же уже слышала, да? – восторженно вопрошает она, не давая мне даже вытащить наушники из ушей.

– Слышала что? Как ты кричишь? – я моргаю, пытаюсь переключить мозг с режима «сонное метро под музыку Грома» на режим «Алина на взводе, потому что хочет что-то сказать».

– Громов твой...

– Не мой, – поправляю автоматически и морщусь. – Что с ним?

– Даша! Проснись уже! Концерт. Двенадцатое октября. Лужники.

Я замираю, роняя чехол с наушниками на асфальт.

– Что? – с трудом выдавливаю из себя.

– Да проснись ты уже! – Алина кричит так, что, кажется, прохожие начинают сомневаться в её адекватности. А заод-

но и в моей. – Дашка, он объявил о концерте! Сегодня в пять утра. Я не спала, я караулила. Чёрт, я была уверена, что ты знаешь! Чем ты занималась все эти дни, что пропустила эту информацию? В общем, билеты начнут продавать в эту пятницу, и если мы не успеем их купить, то я умру!

Алина тараторит и активно жестикулирует, но она даже не догадывается, что в этот момент происходит внутри меня. Для неё Артём Громов – просто классный певец. Для меня – настоящая глупая влюблённость. Однажды его песня спасла меня от депрессии, и с тех пор я окончательно поняла, что без его голоса не могу жить.

– Подожди, – останавливаю безумство подруги, вспоминая, что брат тоже хотел поделиться какой-то новостью – очевидно, именно этой. – Ты уверена, что это не фейк? В прошлом году ты тоже говорила о концерте, но это оказался фейк, вброшенный какими-то фанатами.

– В прошлый раз я была моложе и глупее, – отмахивается она. – А сейчас я подписана на его официальную страницу, на три фан-паблика и... Даш, это реальность! Он выложил ролик, который длится всего три секунды. Три секунды, где он смотрит в камеру и говорит: «Увидимся в Москве». И знаешь, как он это сказал?

– Как? – спрашиваю тем же спокойным тоном, потому что до конца так и не могу поверить в то, что происходящее – правда.

– Будто бы лично мне. Будто он знал, что я сидела перед

экраном в пижаме и ждала, когда он запишет сообщение.

Я фыркаю и мысленно пытаюсь собраться. Двенадцатое октября. Всего лишь месяц. Мечта больно разбивается о реальность и о кошелёк. Моих заработанных денег не хватит на билет. А просить у мамы... Она скажет мне, что я глупая влюблённая дурочка, и тратить деньги на такую ерунду она не будет.

– Сколько стоят билеты? – выдавливаю из себя хриплым голосом и начинаю двигаться в сторону института – пара вот-вот начнётся, а профессор Гранев не пускает опоздавших в аудиторию.

– Вот это я и хотела обсудить с тобой, – Алина говорит уже спокойнее и протягивает мне телефон. – Смотри сама. Фан-зона от двадцати – но это самый эпицентр. Танцпол – двенадцать. Дальше зависит от места. Ещё есть вип-ложи, но мы туда не сунемся. Но не это главное, – тараторит Алина, перемещаясь на своих каблуках быстрее, чем я в любимых кроссовках.

– Что может быть главнее того, что у меня нет таких денег? – кисло спрашиваю я.

Алина хмыкает, убирая телефон в карман и отводя взгляд. И мне это ой как не нравится! Обычно она так делает, когда хочет сказать или о чём-то очень плохом или о чём-то очень... дорогом.

– После концерта он планирует взять паузу, – на одном дыхании выпаливает она. – Его менеджер выложил это сразу

же после объявления о концерте. Они планируют перекраивать концертную программу, писать новый материал... Но временно без концертов, клипов и прочей активности. Надолго ли – не знаю.

Тишина. Где-то гудят машины, рядом бегут опаздывающие студенты, но у меня в ушах вакуум, а вокруг – белый шум.

Двенадцатое октября. Значит, это не просто концерт. Возможно, это последний шанс увидеть его живьём? Услышать, как его голос заполняет пространство, а не льётся из моих старых наушников? Увидеть, как он закрывает глаза на припеве, запрокидывая голову? Как его пальцы перебирают струны гитары... Как он сидит на краю сцены, всматриваясь вдаль так, будто перед ним не сотни тысяч человек, а всего лишь одна девушка. Та, ради которой он поёт.

– Фан-зона, – коротко бросаю я.

– Что? – Алина быстро моргает.

– Фан-зона, – повторяю уже более уверенным голосом, не понимая, как буду выкручиваться.

– Даш, ты уверена? Откуда взять деньги?

– Не знаю. Придумаю, – отмахиваюсь я. – Но если Гром берёт паузу, то, возможно, это единственный шанс побывать на его концерте. И я не прощу себя, если останусь дома, зная, что он тут! В одном городе со мной.

– Я тебя обожаю, – улыбается она. – Но, кажется, ещё минута и Гранев поставит нам в табель жирную букву «о», а

отрабатывать заставит в день концерта.

– Алин, – нервно смеюсь, – он же не знает, что мы туда собираемся.

– Не знает? – дразнит она меня. – Мне кажется, у него камеры повсюду. Или прослушки.

Послушно киваю и ускоряю шаг. На самом деле сейчас в моей голове крутится только дата, фамилия Громов и стоимость билета. Я совершенно забываю о том, что вернулся Саша и о том, что я обещала позвонить ему до того, как начнутся пары. Прогоняю эти мысли прочь – Сашка не обидчивый, перезвоню ему позже.

Как же хочется на концерт.

Глава 2. Саша Штормов

Шесть утра. Москва ещё спит, укутанная в серую дымку предрассветного осеннего тумана. Квартира на двадцать третьем этаже кажется огромной и чужой – запах краски ещё не выветрился, а коробки остались нераспакованными – времени катастрофически не хватает. Но я быстро привыкаю – в конце концов, теперь эта квартира моя.

Я быстро застилаю постель, натягиваю спортивные штаны и выхожу из комнаты. Отец просил позвонить ему, когда я проснусь, но думаю, что ещё слишком рано и открываю дверь в соседнюю комнату. Это была идея отца – организовать мне спортивный зал в квартире, зная мою любовь к тренировкам. В зале знакомо пахнет металлом и резиной. Я надеваю наушники, включаю тяжёлый рок и берусь за гантели.

Раз, два, три.

Приятное жжение в мышцах отвлекает от бытовых мыслей.

На последнем подходе бросаю взгляд в зеркало и встречаюсь со своим отражением. Напряжённые плечи, прямая спина, капли пота, стекающие по прессу. Тело слушается меня беспрекословно, когда дело касается тренировок. А вот мысли разбредаются в отчаянном хаосе.

Вытираю лицо полотенцем и задеваю пальцами подбородок, касаясь небольшого, едва заметного шрама.

А перед глазами уже мелькают картинки давно забытого лета.

Нам с Дашкой по двенадцать лет, и мы гоняем на велосипедах по Питеру. Её рыжие кудри выбиваются из причёски, вспыхивая огнём на солнце. Она едет с такой скоростью, будто бы за ней гонится сама смерть. Я кричу ей вслед, пытаюсь догнать и попросить притормозить. Но она лишь смеётся и сильнее нажимает на педали. Я выворачиваю руль и не справляюсь с управлением, улетаю в кусты. Разбитая коленка, поцарапанные рёбра и этот чёртов камень, о который я рассекаю подбородок.

Дашка бросает велосипед и бежит ко мне. В её глазах – беспокойство, руки тянутся к моему лицу. Она начинает плакать – как будто я не упал с велосипеда, а, как минимум, умер. «Зачем ты пытаешься меня догнать?» – спрашивает она, стирая кровь с моего лица. «Ты же знаешь, мной управляет ветер».

Киваю. Даша Ветрова – её фамилия говорит за себя.

И это был тот самый день, когда я впервые понял, что готов разбиться в кровь, лишь бы она смотрела на меня вот так. С такой вот отчаянной детской... любовью. Привязанностью.

– Глупости! – бросаю я сам себе, отгоняя от себя наваждение. – Нам давно не по двенадцать лет.

Иду в душ – ледяная вода смывает остатки сна и приводит мышцы в тонус после тренировки.

Одеваюсь быстро, по привычке натягивая потёртые джинсы и чёрную толстовку. Всё, что угодно, только не костюмы, которые так любит отец. Я никогда не хотел быть похожим на Игоря Штормова. Не хочу и сейчас. Я просто Саша.

Иду на кухню и натыкаюсь взглядом на толстую папку. Документы для перевода в московский университет. Последний курс. Декан возмущённо поджимал губы – переводы на последнем курсе не любил никто. Отец взял с меня клятвенные обещания, что я не брошу учёбу.

А я и не собирался её бросать. А объяснять ему, что с момента, как Ветрова уехала в Москву, я живу так, словно дышу через соломинку, смысла не было.

Я завариваю кофе и думаю об ужине. Отец согласился на мою самостоятельную жизнь с одним условием – питаться в ресторанах постоянно я не буду, потому что эта еда вредна для желудка. И это значило лишь одно – я должен готовить. Но пока единственным блюдом, которое у меня получалось великолепно, была карбонара. И всё потому, что я готовил её тысячи раз после того, как Даша однажды сказала, что это её любимое блюдо.

И нет, я не страдаю. Многие думают, что если парень влюблён в свою лучшую подругу и молчит об этом, то он должен ходить с разбитым сердцем, слушать лиричную музыку, поднимать глаза в небо и пускать скупую мужскую слезу. Но в обычной жизни всё куда проще – это чувство всего лишь часть меня. Оно мне не мешает. Мне достаточно того,

что она где-то рядом. Достаточно того, что она каждый раз обнимает меня и целует в щёку, оставляя на ней лёгкий след от помады.

По крайней мере, было достаточно до сегодняшнего вечера. Даша прислала сообщение – в шесть вечера в кафе на углу. Рядом с университетом, в котором она учится.

Приезжаю туда за час до встречи, потому что боюсь опоздать. И пока жду её – выпиваю две чашки кофе. Бодрят, но от нервов не спасают. Неотрывно смотрю на дверь, отсчитывая минуты до встречи и гадая, изменилась ли она? И если да, то какой стала теперь? Отгоняю мысли прочь – что за ерунда? Мы болтали по видеосвязи всего неделю назад!

За окном кружатся листья, падая на слегка влажный асфальт. Осень меняет Москву, а я меняю свою жизнь ради неё. Философски, чёрт возьми!

И вот, наконец, в дверном проёме появляется она. В свитере оверсайз, джинсах и любимых кроссовках. Рыжие кудри растрёпаны ветром и спадают на плечи. Она кажется совсем маленькой в этой одежде и с такой копной волос. Даша оглядывает кофейню, ищет меня глазами, и в тот момент, когда наши взгляды встречаются, её лицо озаряет та самая улыбка, ради которой я переехал из Питера в Москву.

– Шторм! – она подбегает ко мне и, даже не здороваясь, бросается мне на шею.

Одной рукой я обнимаю её за талию, второй – за затылок. Вдыхаю такой родной и любимый запах – яблок, ветра и

осеннего дождя. Она такая тёплая, настоящая... И всё такая же худенькая! Её тело прижимается к моему, и в эту секунду, стоя посреди кофейни и сжимая в объятиях этот рыжий огонёк, я понимаю одну вещь.

Я совершил ошибку.

Нужно было остаться в Питере! Продолжать дружить на расстоянии семиста километров. Потому что сейчас, когда она в моих руках, когда я чувствую каждый её вдох, вижу её яркие зелёные глаза, сдерживать себя становится невыносимо трудно. В пятнадцать, когда мы были ещё детьми, всё было куда проще. А сейчас, если я не выпущу её из объятий, притворяться другом станет с каждой секундой всё труднее.

– Привет, рыжая, – мягко отодвигаю её от себя. – Я скучал.

– Как сильно ты скучал, Шторм? – она улыбается и поправляет волосы. А потом стягивает с себя толстовку, оставаясь в одной лишь тонкой футболке, облегающей её тело и подчёркивающей тонкую талию и небольшую грудь.

Чёрт возьми! Ей лучше не знать, как сильно я скучал, потому что если скажу – то она испугается и сбежит. Поэтому не скажу. И именно поэтому не говорю уже несколько лет.

– В перерывах между тусовками, спортивным залом, бесконечной учёбой – постоянно.

– Я тоже скучала, – просто отвечает она и присаживается за столик. – Ты уже заказал нам ужин?

– Заказал, – киваю и продолжаю её рассматривать. До чего ж эта девчонка хороша! Она даже не подозревает, что её

рыжие волосы производят на меня такой эффект. И что меня до сих пор удивляет – у неё нет ни одной веснушки. Абсолютно чистая, светлая кожа. Природа решила пошутить, наделив её рыжими волосами и не подарив ни единого пятнышка на лице.

А ещё у неё невероятно привлекательные губы. Из-за них я частенько теряю нить разговора – особенно, когда она вспоминает о своей дурацкой привычке закусывать нижнюю.

– А что заказал? – она отвлекает меня от мыслей, возвращая в реальность. – Саша?

– Да-да, я тут, – перевожу на неё взгляд. – Карбонару, кофе и три шоколадных шарика мороженого.

– Ты помнишь? – искренне удивляется она.

А я молчу, потому что боюсь, что моё «да» прозвучит как признание.

– Как первый день после каникул? – перевожу тему в безопасное русло. В конце концов, мы же как-то общались по телефону! Получится и так.

– Скучно. Я чуть не уснула на лекции, но... Ой, точно! Шторм, ты вообще знаешь, что случилось?

– Не знаю, – спокойно отзываюсь я, размышляя о том, как красиво звучит моё прозвище из её уст. – А что случилось?

– Гром даёт концерт в Москве! – выпаливает она, а я тут же вспоминаю бесчисленное количество плакатов на стенах её квартиры. Артём Громов – её кумир. Она знает наизусть все его песни, какой цвет носков носит по пятницам, сколь-

ко раз выходит из дома и в какой позе спит. Раньше это действовало мне на нервы, а потом я смирился с тем, что место Громова мне никогда не занять, а разделить с ней это безумие намного проще.

– Да ты что? И когда? – спрашиваю из чистого любопытства, а не потому, что собираюсь на его концерт.

– Двенадцатого октября, – сообщает она с придыханием. – Билеты очень дорогие, и у меня есть несколько дней до пятницы, чтобы найти эту сумму и исполнить свою мечту.

– Хочешь пойти на концерт?

– Спрашиваешь! Конечно, хочу! Гром объявил, что этот концерт может стать последним – он берёт паузу на неопределённый срок. Я должна – нет – просто обязана там быть! Ты вообще представляешь? Услышать вживую его голос, увидеть, как он двигается... Саша, ну ты же понимаешь меня, да?

– Смутно, – искренне улыбаюсь. – Я не испытываю к Грому таких нежных чувств. – Сколько стоит билет?

– Двадцать пять, – отвечает она, пряча глаза. – У меня есть только семь. А к подработке в кофейне я ещё не приступила. Попробую попросить у мамы, но не знаю, что она скажет. Точнее уверена на все сто, что откажет. Она же одна работает после...

Даша запинается, и я знаю, почему. Не хочет вспоминать прошлое, которое лишило её отца. Её мама всё это время работает, воспитывает двоих детей и обеспечивает им хоро-

шую жизнь. Но удовольствий, особенно сомнительных по её мнению, их семья лишена.

– Нашла уже, с кем пойдёшь на концерт?

– С Алиной. Она – единственная, кто готов пиццать от восторга, не считая меня сумасшедшей.

– Почему же единственная? – притворно возмущаюсь я.
– Или ты забыла, как заставляла меня слушать его песни, разбирая каждую строчку?

– Ну только не говори, что тебе не нравятся его песни!

– Как сказать... Попсовенько, – честно признаюсь я.

– Саша, это рок!

– Даша, рок – это Металлика, Пинк Флойд, Ария и Алиса. А Гром – это...

– Так, лучше молчи... – она смотрит на меня угрожающе, хотя во взгляде разливается тепло. – Иначе стукну. Саш, ты же знаешь, что для меня значит его музыка. Помнишь, что случилось тогда...

– Помню, – поспешно произношу я. – Мне просто нравится тебя дразнить, – пытаюсь отвлечь её от грустных мыслей.

Разговор про Артёма Громова затягивается на несколько минут – Дашины глаза горят, губы постоянно растягиваются в улыбке. Она вспоминает его интервью – рассказывает о том, как она пересматривала его сотни раз, потому что Артём там делает какой-то фирменный жест.

Я слушаю. И наблюдаю.

И постепенно, словом за словом в моей голове начинает

складываться пазл.

Речь уже не о музыке. И не о голосе. Она говорит именно об Артёме Громе. Человеке, чей образ она нарисовала себе сама. Воссоздала из кусочков интервью, клипов и коротких роликов, которыми он делится в социальных сетях. Она вспоминает, как именно он морщит нос, когда смеётся, как проводит рукой по волосам на первых строчках припева.

Это не фанатская любовь. Фанаты любят образ, а она, кажется, человека. Того, которого придумала сама.

И я понимаю, что всё то время, пока мы находились в разных городах, она жила своей жизнью. И постепенно влюблялась. В человека, который даже не знает о её существовании.

И я не ревную, нет. Ревновать можно к сопернику, а Громов... Он звезда. К н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.